

P.S. ЛАНДШАФТЫ:

ОПТИКИ ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВИЛЬНЮС
ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2008

УДК 316.334.56+008]“713”

ББК 60/5+71

P10

Рекомендовано к изданию:
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 4 от 26.01.2008 г.)

Рецензенты:

Бредникова О., ведущий сотрудник Центра
независимых социологических исследований (ЦНСИ),
Санкт-Петербург, Россия;

Мажейкис Г., профессор, заведующий кафедрой Социальной
и политической теории факультета Политических наук
и дипломатии Университета Витаутаса Великого, Каунас, Литва

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского Союза и Совета министров Северных стран

P10 **P.S. Ландшафты:** оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 474 с.

ISBN 978-9955-773-22-1

Данный сборник представляет собой уникальную попытку представить разнообразные подходы и концептуализации в исследованиях городского пространства в контексте, который обычно обозначается в качестве постсоциалистического.

Главная цель данного сборника – инициировать дискуссию о различных измерениях городского пространства и способах его координации с социальным целым. Сборник предназначен в первую очередь для университетской аудитории, всех, кто интересуется методологией социальных и культурных исследований, а также для разного рода практиков городского пространства. Идея и реализация книги стали возможными в рамках и благодаря проекту “Visual and Cultural Studies Reconsidered”, финансируемого Н.Е.С.Р.

УДК 316.334.56+008]“713”

ББК 60/5+71

Серия «Визуальные и культурные исследования»
основана в 2003 г.

ISBN 978-9955-773-22-1

© ЕГУ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бенджамин Коуп, Нериус Милерюс</i> ВВЕДЕНИЕ	7
P.S. ГОРОДА: НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА	
<i>Нериус Милерюс</i> СИНХРОНИЗАЦИЯ И ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЛОГО НА СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ.....	37
<i>Габриэла Швитек</i> ЗА ЖЕЛЕЗНЫМИ ВРАТАМИ: ИЗЛИШЕК ПАМЯТИ И ЗАБЫВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ.....	63
<i>Оксана Запорожец, Екатерина Лавриниц</i> ДРАМАТУРГИЯ ГОРОДСКОГО СТРАХА: РИТОРИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ И «БЕСХОЗНЫЕ ВЕЩИ»	83
<i>Ольга Блекледж</i> «ПУТЕВОДИТЕЛЬ» КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРОДА	104
P.S. ГОРОДА: ЭКОНОМИКА И/ИЛИ ПОЛИТИКА?	
<i>Сергей Любимов</i> КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ТРАЕКТОРИИ «ОЧИЩЕНИЯ» ВАРШАВЫ	120
<i>Анна Желнина</i> МЕТАМОРФОЗЫ ПРАКТИК РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ КАК ЗЕРКАЛО ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	148
<i>Кульшат Медеуова</i> ОТРАЖЕНИЕ ГОРОДА.....	170
P.S. ГОРОДА: УРБАНИЗАЦИЯ ПОД ВОПРОСОМ?	
<i>Артём Космарский</i> ТАШКЕНТ: ОТ ИСЛАМСКОГО К (ПОСТ)СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ И (ПОСТ)КОЛОНИАЛЬНОМУ ГОРОДУ.....	194

<i>Сергей Румянцев</i>	НЕФТЬ И ОВЦЫ: ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГОРОДА БАКУ ИЗ СТОЛИЦЫ В СТОЛИЦУ	228
<i>Елена Зимовина</i>	ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (демографический аспект).....	267
P.S. ГОРОДА: ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕДИА		
<i>Ольга Бойцова</i>	ПАМЯТНИКИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДЕ И ТУРИСТСКАЯ ФОТОГРАФИЯ	296
<i>Екатерина Викулина</i>	ГОРОДСКОЕ ПУГАЛО: ТЕЛО В ЛАТВИЙСКОЙ УЛИЧНОЙ РЕКЛАМЕ	309
<i>Александр Сарна</i>	МИНСК – ГОРОД ПОБЕДИВШЕГО ГЛАМУРА	334
<i>Елена Трубина</i>	«ЧЕЙ ЭТО ГОРОД?» ВИЗУАЛЬНАЯ РИТОРИКА ДЕМОКРАТИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРОЖАН	354
ЗА ПРЕДЕЛАМИ P.S. ГОРОДА?		
<i>Барбора Вацкова, Луция Галчанова</i>	РЕЗИДЕНТНАЯ СУБУРБАНИЗАЦИЯ В ПОСТКОМУНИСТИЧЕСКОЙ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, ЕЕ КОРНИ И ТРАДИЦИИ.....	380
<i>Юнис Блаваскунас</i>	ОТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА К ЭКОЛОГИИ: ДЕРЕВЕНСКИЕ ОТВЕТЫ НОВЫМ ФОРМАМ ПРОИЗВОДСТВА.....	404
<i>Антония Янг</i>	ИЗМЕНЕНИЯ В ПАТРИАРХАЛЬНОМ УКЛАДЕ ЖИЗНИ В СЕВЕРНОЙ АЛБАНИИ	426
<i>Бенджамин Коуп</i>	ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ДЕРЕВНЕЙ: ПЕЙЗАЖИ P.S. СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.....	447
	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	470

P.S. LANDSCAPES: OPTICS FOR URBAN STUDIES

CONTENTS

<i>Benjamin Cope, Nerijus Milerius</i> INTRODUCTION	7
P.S. CITIES: DISTURBANCES OF TIME AND SPACE	
<i>Nerijus Milerius</i> THE SYNCHRONISATION AND DESYNCHRONISATION OF THE PRESENT AND THE PAST IN SOVIET AND POST-SOVIET SPACES.....	37
<i>Gabriela Świtek</i> BEHIND THE IRON GATE: A SURPLUS OF MEMORY AND FORGETTING IN A CONTEMPORARY CITY	63
<i>Oxana Zaporozhets, Ekaterina Lavrinec</i> THE DRAMATURGY OF URBAN FEAR: RHETORICAL TACTICS AND “UNATTENDED ARTICLES”	83
<i>Olga Blackledge</i> “THE GUIDEBOOK” AS A METHOD OF EXPLORING AND CONSTRUCTING A CITY.....	104
P.S. CITIES: ECONOMICS AND/OR POLITICS?	
<i>Siarhei Liubimau</i> CULTURAL ENTREPRENEURIALISM AND TRAJECTORIES OF GENTRIFICATION IN WARSAW.....	120
<i>Anna Zbelnina</i> THE METAMORPHOSES OF RETAIL TRADE PRACTICES IN A RUSSIAN MEGALOPOLIS AS A REFLECTION OF POST-SOCIALIST TRANSFORMATIONS.....	148
<i>Kulshat Medeuova</i> REFLECTING/DEFLECTING THE CITY	170
P.S. CITIES: URBANISATION IN QUESTION?	
<i>Artyom Kosmarski</i> TASHKENT: FROM AN ISLAMIC TO A (POST-)SOCIALIST AND (POST-)COLONIAL CITY.....	194

<i>Sergey Rumyansev</i>	
OIL AND SHEEP: OF THE HISTORY OF THE TRANSFORMATIONS OF THE CITY OF BAKU FROM CAPITAL TO CAPITAL	228
<i>Yelena Zimovina</i>	
PROCESSES OF URBANISATION IN KAZAKHSTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD (the demographic aspect).....	267
P.S.CITIES: INFLUENCE OF VISUAL MEDIA	
<i>Olga Boitsova</i>	
MONUMENTS OF THE POST-SOVIET CITY AND TOURIST PHOTOGRAPHY	296
<i>Ekaterina Vikulina</i>	
URBAN SCARECROW: THE BODY IN LATVIAN STREET ADVERTISING	309
<i>Alexander Sarna</i>	
MINSK: A CITY OF ALL-CONQUERING GLAMOUR	334
<i>Elena Trubina</i>	
WHOSE CITY?: THE VISUAL RHETORIC OF DEMOCRACY IN THE IMAGINATIONS OF CITY INHABITANTS	354
OUTSIDE THE P.S.CITY?	
<i>Lucie Galčanová, Barbora Vacková</i>	
RESIDENTIAL SUBURBANISATION IN THE POST-COMMUNIST CZECH REPUBLIC: ITS ROOTS AND TRADITIONS.....	380
<i>Eunice Blavascunas</i>	
FROM AGRICULTURE TO ECOLOGY: RURAL RESPONSES TO NEW MODES OF PRODUCTION.....	404
<i>Antonia Young</i>	
THE CHANGING FORM OF PATRIARCHY IN NORTHERN ALBANIA	426
<i>Benjamin Cope</i>	
HAUNTED BY THE VILLAGE: P.S. LANDSCAPES AND RURAL SPACES IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CAPITALISM	447
AUTHORS	470

ВВЕДЕНИЕ

Сложное название этой книги отчасти противоречит простой предпосылке, которая послужила импульсом для ее появления на свет: представить некоторые теоретические и практические подходы к анализу городского и сельского пространства постсоциалистических стран. Но как только мы остановились именно на этой концепции, сразу же со всех сторон слышались возражения, и эти возражения оказались убедительными настолько, что вынудили нас изобрести термин «P.S.». В данном предисловии мы постараемся выделить четыре элемента того, что мы понимаем под «P.S.», объяснить, почему мы считаем этот термин необходимым, и таким образом представить некоторые самые важные проблемы городского и сельского пространства, которые рассматривают авторы данного сборника.

P.S. 1. P(OST)-S(OCIALIST) П(ОСТ)-С(ОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ)

Правомерно ли называть область наших исследований изучением постсоциалистических ландшафтов? Этот вопрос включает и временные, и пространственные параметры. Поскольку представляется очевидным, что единственное, что может оправдать книгу, объединяющую под своей обложкой аналитические исследования окраин города Брно в Чехии и проекта строительства новой столицы Казахстана Астаны, это факт, что указанные территории имеют общее прошлое — принадлежность системе государственного социализма, закономерным будет спросить, достаточно ли этого общего наследия, чтобы отнести их к постсоциалистическим урбанистическим формам? В то время как совершенно понятно,

что социалистическая модернизация оставила неизгладимый след на обликах городов этого региона, не стоит спешить с выводом, что его городские и сельские пространства представляют собой некое монолитное целое, которое можно обозначить термином «постсоциалистическое». Что касается вынужденной модернизации Советского Союза и позже Восточной Европы, она уже сама по себе была ответом на проблему недостаточной урбанизации: если попытаться прояснить термин «Восточная Европа» в том смысле, который это словосочетание имело до Берлинской стены, то есть до появления жестких, символических геополитических границ, то окажется, что он на самом деле означает «недостаточно урбанизированная» или «слишком аграрная» по сравнению с Западной Европой¹. То, что формы организации пространства на данной территории не являются исключительно наследием социалистического периода, а вызваны уходящими гораздо глубже в историю тенденциями урбанистической эволюции, является, пожалуй, ключевым моментом.

Чтобы понять всю сложность городских и сельских форм, существующих в этом регионе, необходимо принять в расчет досоциалистическую историю этих социалистических пространств. Досоциалистическое пространство демонстрировало намного большее разнообразие, чем социалистический ландшафт: в то время как некоторые досоциалистические территории в Центральной Европе (например, в Чехии) уже имели достаточно развитые городские

¹ В книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации на карте просвещения» Лэрри Волф описывает процесс, в результате которого в XIX в. Западная Европа изобрела термин «Восточная Европа», чтобы назвать своего менее развитого «другого». См.: *Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Map of the Enlightenment* (Stanford, Conn.: Stanford University Press, 1996). Очень интересный и нестандартный подход к решению сложных вопросов, касающихся концептуализации сегодняшней Восточной Европы, можно также обнаружить в предисловии к сборнику *Over the Wall, After the Fall: Post Communist Cultures Through an East-West Gaze*, Sibelan Forrester, Elena Gapova, Magdalena J. Zaborowska ed. (Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004), с. 1–35.

и сельские формы, в некоторых странах на востоке Европы делались только первые шаги в сторону не то чтобы даже капиталистической урбанистической индустриализации, а просто сельских формаций капиталистического типа. В Российской империи, например, крепостное право было отменено только в 1861 г. Если говорить даже о второй половине XX в., то, изучая условия жизни в некоторых советских деревнях, мы можем обнаружить практически все характерные черты натурального хозяйства. Как сказал один университетский профессор Нериюсу Милерюсу, послевоенное развитие советских аграрных территорий, например Литвы, стало стремительным скачком от жизни дикой, почти нецивилизованной деревни к жизни постиндустриального общества. Это не было постепенным переходом, который происходил шаг за шагом — от досоветского через советское к постсоветскому. Не было это и случаем наполнения «недостаточно» сельских или городских досоветских и советских пространств содержанием постиндустриальной фазы капитализма. В результате мы можем наблюдать очень любопытный феномен, когда на постсоветских территориях элементы постиндустриального общества сосуществуют с почти не претерпевшими изменений, досоциалистическими элементами сельской жизни.

Таким образом, используя термин «постсоциалистический», мы рискуем недооценить влияние досоциалистических форм и в результате подменить полноту истории периодом, который в некоторых частях Советского Союза длился 70 лет, а в других — около 50 лет. Вдобавок ко всему период коммунистического правления проживался людьми по-разному в зависимости от того, в какой именно части «второго мира» человеку довелось жить. Формы, которые принимал режим, тоже варьировались в соответствии с различным культурным и историческим наследием. Государственный социализм был далеко не гомогенным феноменом: различные его этапы проживались по-разному на повседневном уровне. Кроме того, в различные его периоды использовались разные критерии для анализа проблематики сельского и городского. Определяя все это многообразие единым термином «со-

циалистическое», мы рискуем свести всю разнохарактерную сложность среды нашего обитания к карикатуре, представляющей одну или две разновидности той формы модернизма, которая не удалась. В настоящее время подобный подход существует и проявляется в точке зрения, которую можно с большей или меньшей степенью обобщения резюмировать следующим образом: все плохое в обществах этого региона — следствие социалистического строя, и чем скорее мы сможем наверстать упущенное, прийти в соответствие с «правильной», западной моделью социального и урбанистического развития, тем лучше. Звучит, конечно, банально, тем не менее данная парадигма определяет мнение большинства людей по этому вопросу. Это парадигма, которая подразумевает, что политические расхождения (то есть расхождения между левыми и правыми, предполагающие возможность различных путей развития общества) должны смениться расхождениями между управлением и популизмом (то есть между эффективностью и глупостью/коррупцией). Однако, говоря об изменениях городского пространства, исследователю в данной области следует помнить, что такого понятия, как «западный город», не существует: начиная с 1917 г., пройдя 1945-й г., города Западной Европы также подверглись потрясениям и претерпели коренную пространственную реорганизацию.

Термин «постсоциалистический» неизбежно возвращает нас к вопросу о том, чем все-таки был социалистический урбанизм. Являлся он уникальной формой урбанистического проекта или просто вариацией общего модернистского проекта урбанизации, который лежит в основе и капитализма, и коммунизма? Ведь многие идеи и ошибки, которые ассоциируются у нас с коммунистическим урбанизмом (например, преследуемая им цель добиться эгалитаризма в городском пространстве, что привело в монотонности архитектурных форм), — это черты, в той или иной степени присущие любому городскому реформированию и проектированию, в какой бы стране и в какое бы время они ни осуществлялись. В попытке определить специфику коммунистического урбанизма одну из самых убедительных концепций выдвинул Иван Селеньи, который утверждает, что

урбанистические формы в социалистической Европе демонстрировали меньше разнообразия, меньше экономии пространства и меньше маргинальности, чем западные урбанистические модели. Таким образом, по мнению Селеньи, территории, которые были изначально недостаточно урбанистическими, стали еще в меньшей степени таковыми в период коммунистического правления². Бесспорно отдавая должное этой интересной точке зрения, нельзя не отметить, что, следуя ей, мы вынуждены будем подчинить качественную гетерогенность социалистической урбанистической практики нормативному представлению о том, что значит «быть городским», сформированному определенными количественными показателями, заимствованными из модели западного урбанизма. Если «меньше урбанизма» означает больше свободы для детей, которые, будучи совсем маленькими, могут бродить по городу — от магазина к магазину (факт, который поразил меня, когда я впервые приехал в Россию в 1994 г. — Б.К.), то не является ли это в каком-то смысле «более урбанистическим» воспитанием? Если мы перевернем этот оптический прибор вверх тормашками и посмотрим на советское отношение к эксплуатации природных ресурсов или советский коллективизм в сельскохозяйственном производстве, не приведет ли это нас также к противоположному выводу: что социалистические режимы были «недостаточно сельскими»?

Это осторожное отношение к термину «постсоциалистический» не стоит, однако, интерпретировать как попытку с нашей стороны отрицать, что эти города есть продукты истории, и в частности истории социалистического периода; скорее, оно является результатом нашего желания передать всю сложность и противоречивость наследия, с которым мы здесь имеем дело. Поскольку одной из важных характеристик P.S. городов является их ярко выраженная гетерохронность, это, как отмечает в своей

² Ivan Szelenyi, “Cities under Socialism: and After?” in *Cities After Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies* (G. Andrusz, M. Harloe, and I. Szelenyi (eds.)), (UK: Blackwell, 1996), с. 286–318. Многие важные вопросы, имеющие отношение к социалистической урбанизации, обсуждаются в этом сборнике.

статье в данном сборнике Габриэла Швитек, может стать вопросом повседневной и зачастую болезненной практики — наблюдать следы истории. Они могут быть явными, отсутствующими, наложенными друг на друга, непрочитаемыми — то есть не имеющими больше того смысла, который они имели когда-то, или затемненными чем-то другим, — но они не являются указателями, ведущими к прошлому, которое находится где-то в глубине истории, на безопасном расстоянии. Прошлое здесь, скорее, многовалентная сила, все еще требующая у настоящего ответов. В то время как мнения по поводу преемственности между модернизмом и постмодернизмом расходятся (является постмодернизм радикально отличной от модернизма фазой общественного развития или это процессы, начатые модернизмом, только на более высоком уровне?), отношения между социализмом и постсоциализмом представляются одновременно радикально антагонистическими (постсоциализм как демонстративное отрицание социалистического прошлого) и очень тесными (постсоциализм все еще формируется социализмом, который он пытается отвергнуть). В любом случае, очевидно, что те контрасты, которые сформированы как городскими, так и сельскими постсоциалистическими пространствами, отражают преобразования совсем другой природы, нежели те, которые мы можем наблюдать на Западе, где переход от индустриальной экономики к постиндустриальной фазе капитализма был менее драматичным.

Третье сомнение в связи с термином «постсоциализм» (и это также затрагивает наш термин «P.S.») — почему «постсоциализм», а не «посткоммунизм», то есть почему не «P.C.»?³ До определенной степени наш выбор логичен, поскольку сами советские лидеры и предложили это различие, позиционируя строительство коммунистического государства как процесс, который может быть осуществлен только в неопределенном будущем, и предлагая именовать тот уровень развития общественных отношений, которого руководимые ими страны уже достигли, государственным социализмом. С другой

³ Я благодарен Линде Моррис за то, что она обратила на это мое внимание. — Б.К.

стороны, есть определенная опасность в принятии этой подмены терминов, к которой сами власти прибегли в первую очередь для того, чтобы замаскировать несовершенства своих политических проектов. Единственная общая черта, которая несомненно связывает все страны, обсуждаемые в этом сборнике — это власть коммунистической партии в тот или иной период. Стоит ли нам в таком случае соглашаться с диагнозом известных своей ненадежностью лидеров коммунистической партии, что это был не коммунизм, а социализм? Может быть, это просто более политкорректно («Р.С.») — использовать термин «социалистический» в смысле «до конца не проясненный, не-достигнутый коммунизм», чем пытаться упорно искать ответ на вопрос, в чем упомянутые страны были и не были коммунистическими? В нашу неолиберальную эпоху следует с опаской относиться к идеологическому подтексту, который в данном случае выражается в том, что термин «постсоциалистический» очень удобен, чтобы «путать» падение нескольких коррумпированных и неэффективных коммунистических режимов в начале 1990-х гг. с отказом от идеалов социальной справедливости любого рода. Или, если развить эту аналогию, наставив на «P.S.», а не на «P.C.», мы получаем возможность не уделять большого внимания постколониальному элементу империалистического наследия (в частности, российского, но не только), который также является неотъемлемой частью современного ландшафта данного региона. Если мы отнесемся к «P.C.» (от P(ost)-C(olonial) — «постколониальный») более серьезно, это неизбежно приведет к необходимости мыслить эти территории в терминах, которые применяются по отношению к развивающимся странам, и может выясниться, что это более плодотворный подход для анализа трансформаций городской среды, чем обычные — обреченные на провал — сравнения с Западом. Возможно, мы даже могли бы использовать «P.C.», чтобы объяснить, почему наше «постсоциалистическое» не включает Китай, и обогатить наш сборник предвидением о потенциальном будущем урбанистических формаций, узловые центры которых находятся в совершенно других местах,

нежели те, где они находятся сейчас, переименовав наш регион в «Почти Китай» (P(re)-C(hina)).

Вот эти размышления и определили наше первое «P.S.» – убежденность в важности наследия социализма, доставшегося нам и связывающего воедино страны нашего региона, и в то же время настороженное отношение к тому, чтобы видеть этот регион как монолитное целое или рассматривать исторический период, на который пришлось коммунистическое правление, как единственный фактор, определяющий особенности наших современных ландшафтов.

P.S. 2. P(ost)-S(oros) П(ост)-С(оросовское)

Прошло уже почти 20 лет с момента падения коммунистических режимов, и даже если согласиться, что то, преемниками чего мы себя здесь называем, было социализмом, немедленно возникает другой вопрос: а как долго этот «постсоциализм» может продолжаться? Будет это состояние длиться вечно, или мы сможем в конце концов «выбраться» из него к чему-то новому. Можно попытаться сформулировать этот вопрос несколько иначе: на самом ли деле потрясения, ставшие следствием разрушения социалистической системы, являются в настоящий момент основной силой, формирующей наши ландшафты?

К примеру, идея этой книги – результат работы, проведенной в рамках исследовательского проекта Н.Е.С.Р. (программа поддержки высшего образования, управляемая институтом «Открытое общество» – структура, являющаяся частью фонда Сороса). То есть в первую очередь нас объединило не то, что мы люди с общим коммунистическим прошлым, а гуманитарные интересы фонда Сороса. Избранная последним стратегия инвестиций своего капитала сформировала облик академии постсоциалистического мира: ученые из различных, часто удаленных, уголков постсоциалистического ареала собираются вместе на международные встречи и семинары, куда в качестве тьюторов приглашаются западные эксперты. Именно доступ к определенным потокам глобального капитала делает возмож-

ным сотрудничеством такого рода. Точно так же, как именно доступ к финансовым потокам такого рода определяет позицию того или иного региона в системе новых экономических реалий, к которым его городские и сельские ландшафты должны тем или иным образом приспособляться.

Вот почему наше второе «P.S.» («пост-соросовское») использует влияние фонда Сороса на интеллектуальную экономику нашего региона как метафору того способа, с помощью которого местный ландшафт пытается определить свою позицию во все более интенсивном глобальном движении капитала. Это не вопрос из серии «или-или», то есть остаться «прокоммунистическим» или стать «прокапиталистическим», скорее, необходимо изучать локальные социопространственные конфигурации с точки зрения экономического контекста, в который они помещены (и наоборот). Таким образом, размышления о крахе коммунизма с точки зрения трансформации пространства приводят к необходимости осмысления этого процесса в контексте упадка фордистской модели промышленного производства, который повлиял на организацию городского пространства в западных странах, особенно в период экономического кризиса 1970-х. Последствия этого процесса ощущались очень долго и были очень разными, но самым главным из них стала утрата городом статуса в первую очередь центра промышленного производства, существующего в рамках сбалансированного целого национального государства⁴. Принимая во внимание

⁴ Пространственные сдвиги, происходившие в 1970-х годах и позднее, обсуждались и обсуждаются множеством современных географов. См.: Neil Brenner, 1999. "Globalisation as Reterritorialisation: The Re-scaling of Urban Governance in the European Union". *Urban Studies*. 36/3: 431–451; David Harvey, "From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation in Urban Governance in Late Capitalism". *Human Geography* 71/1: 3–17. Философы также не остались в стороне от этой проблемы, рассматривая ее в более широкой временной перспективе — от Жюль Делёза и Феликса Гваттари, считавших «детерриториализацию» основной тенденцией капиталистического развития, начиная со времен Древней Греции, до Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, которые полагали, что описанная трансформация произошла сра-

тот факт, что коммунизм был социальной системой, основанной на существовании рабочего класса и серийного производства, крах фордистской модели и — как результат — изменение доминирующего способа производства не могли не повлиять на ситуацию в социалистических странах.

Во многих смыслах утрата городом статуса центра промышленного производства поставила под сомнение саму суть (*raison d'être*) коммунистической урбанизации как попытки гармонизировать в городском пространстве отношения между работой, домом и отдыхом и преодолеть чудовищные социальные разломы, которые констатировал Энгельс, описывая жизнь Манчестера в XIX в.⁵

Как только основной способ производства трансформировался из индустриального в постиндустриальный, а фордистская модель сменилась постфордистской, доминирующей чертой экономики стала глобализация — доминирующей до такой степени, что у польского социолога Ядвиги Станишкис были основания предположить, что изменения в природе мировой экономики в 1980-х стали основополагающим фактором, приведшим к кризису управления, который ощутили на себе коммунистические режимы Восточной Европы еще до их падения⁶. Таким образом, мы можем утверждать, что не только го-

зу после Второй мировой войны, и видели в ней начало эпохи культурного производства: "The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception" *Dialectic of Enlightenment*. London: Verso, 1979, 120–167; не вызывает сомнений и то, что движение ситуационистов, тексты и акции которых ознаменовали 1960-е гг., были также ответом на это радикальное изменение доминирующего способа промышленного производства.

⁵ Friedrich Engels, "The Great Towns", *The Condition of the Working Class in England*, доступно на: <http://www.marxists.org/archive/marx/works/1845/condition-working-class/ch04.htm>.

⁶ Jadwiga Staniszkis. *Postkomunizm* (Gdańsk: slowo/obraz terytoria, 2001). Каноническими текстами о влиянии глобализации на городское пространство являются работы Мануэля Кастельса и Саскии Сассен. См.: Manuel Castells, *The Rise of the Network Society* (Oxford, and Malden, MA: Blackwell Publishers, 1996) и Saskia Sassen, *The Global City: New York, London, Tokyo* (Princeton: Princeton University Press, 1991).

рода P.S. пространства к моменту переходного периода являлись недостаточно урбанизированными, но и что сам модус урбанизации, которому они не соответствовали в достаточной степени, был к тому времени более несостоятелен. В эпоху глобальных городов значимым фактором, обеспечивающим благополучие и процветание мегаполиса, оказывается его место в глобальных потоках транспортировки людей, товаров и информации (насколько это хорошо для людей, которые в таких городах живут, это другой вопрос).

Влияние современной капиталистической парадигмы (наше второе «P.S.») в особенности заметно и в особенности неоднозначно с точки зрения пространства. После распада социалистической системы наш регион представлял собой рынок «изголодавшихся», в том числе и в прямом смысле, потребителей, дешевой потенциальной рабочей силы и дешевой земли для инвестиций. Он также вызывал много вопросов, связанных с бюрократией, работой законодательных органов, неформальной торговлей, отсутствием инфраструктуры и протяженностью территорий, которые делали и делают инвестиции проблематичными. Огромные состояния могли быть сделаны в период приватизации земли, ее продуктов и всего, что находилось и было построено на ее поверхности. Пространства нашего региона часто становились предметом так называемого избыточного, дикого капитализма. Так, при совершении сделок с землей учитывались исключительно интересы частного капитала, а не общественное благо. Несвершенное законодательство позволяло осуществлять все это в таких масштабах, которые трудно представить себе в экономических центрах глобального капитализма. Пространства нашего региона также свидетельствуют о сосуществовании совершенно разных, и даже несовместимых, парадигм капиталистического обмена и радикального процесса экономической пространственной дифференциации между быстро растущими и сокращающимися территориями. Таким образом, фундаментальная и очень сложная политическая и академическая задача состоит в отслеживании административных, пространственных и экономических сил, делающих инвестиции возмож-

ными или им препятствующих, а также пространственных и социальных изменений, которые могут произойти вследствие этих инвестиций.

Изменения физических ландшафтов P.S. пространств являются видимыми симптомами трансформации упомянутой выше доминирующей парадигмы: города перестали быть «монтажными» производства (товаров), а сами теперь стремятся стать «аттракционами» в виртуальных потоках, из которых они черпают энергию и богатство⁷. Это двойная трансформация, в которой физические и институциональные ландшафты городов становятся частью культурной и информационной картографии, и картография эта глобальная⁸. Именно в этом конкретном смысле подчинения всех городов картографии кругооборота (и ни в каком другом) я (Б.К.) рискнул бы сделать провокационное предположение, что P.S. ландшафты являются продуктом Запада. Джентрификация, например, является мощным определяющим фактором жизни города, подчеркивая продуктивную и деструктивную ценность культуры в перерождающихся постиндустриальных районах, в то же время она является глобальным течением, актуализирующим культуру и стиль в медийной конфигурации, в которой постсоциалистический мир представляется практически невидимым отдаленным поселением⁹. Опять-таки, это двойной процесс: отношения

⁷ Если теория «монтажа аттракционов» Сергея Эйзенштейна выражала определенные отношения между производством фильма и внутригородским «ярмочным» миром, то сейчас, как нам представляется, ситуация изменилась: сами города стремятся стать аттракционами в эклектичном потоке говорящих на разных языках глобальных медиа.

⁸ Как пишет Мина Петрович, «учитывая сложность города как системы, это будет невыполнимой задачей для постсоциалистических городов скопировать западную урбанистическую модель, поскольку в них [в городах] отсутствует не только институциональная, но и культурная инфраструктура, которая, собственно, и составляет основу западного города. См.: “Cities after Socialism as a Research Issue” на сайте: <http://www.lse.ac.uk/Depts/global/Publications/DiscussionPapers/DP34.pdf>.

⁹ Нил Смит описывает интра- и интернациональные уровни неравномерного развития в: 1982. “Gentrification and Uneven Development”. *Economic Geography*, 58/2, 139–155.

с западом — это изначально отношения культурного и экономического дисбаланса, и именно эти отношения дисбаланса становятся важнее отношений с соседними странами. Например, гораздо больше людей учат английский, чем какой-либо другой язык, а дорога от Варшавы до Лондона обойдется вам дешевле, чем дорога от Варшавы до Вильнюса. Почему? Представляют эти вопросы экономический императив для большинства людей, живущих в этих регионах, или они являются примером, иллюстрирующим нашу подчиненную позицию в новой культурной экономике, примером тому, как сама форма наших ландшафтов детерминирована отношениями с Западом? С этой точки зрения исследователям было бы полезно рассмотреть дисбаланс, выражающийся в усилении экономического и культурного влияния Британского совета, осуществляющего культурный экспорт для поддержки экономики Великобритании, которая в настоящий момент не экспортирует практически ничего другого, и отсутствии какой-либо подобной структуры (предназначенной для культурного экспорта неких ценностей на Запад) в Восточной Европе¹⁰.

Однако то внимание, которое «P.S.» от «постсоветское» демонстрирует по отношению к глобальным течениям капитализма, не означает, что нас совсем не интересует повседневная деятельность людей или что те виды работы, которые доступны (или не доступны) в нашем регионе, не представляют особой важности. На самом деле и то, что многие виды работы (в том числе работы по ремонту) продолжают существовать в городских и сельских пространствах нашего региона, и несоответствие между определенными видами работы и предусмотренным за нее вознаграждением, и, как замечает здесь Сергей Люби-

¹⁰ См., например, сайт представительства Британского совета в Казахстане: <http://www.britishcouncil.org/kazakhstan.htm>. Эта культурная гегемония высмеивается московским клезмер-квartetом «Наеховичи» в адаптированной ими версии популярной еврейской народной песни «Борщ» (CD «Прощай, корова!»), комический эффект которой достигается за счет соседства романтики с экономическим реализмом: герой обещает своей любимой увезти ее на край света, при этом добавляя, что они смогут выжить там, преподавая английский.

мов, моменты, когда люди готовы работать за копейки, и то, как они определяют, насколько потенциально полезной может быть такая работа, — вероятно ценный материал для понимания экономики территорий, где преобладают новые формы производства. Хотелось бы также заметить, что данное «P.S.» не предназначено для того, чтобы отстаивать точку зрения, что к настоящему моменту никаких следов социалистических структур и практик на этих территориях уже не осталось. Опять-таки, совсем наоборот: многие официальные (библиотеки, дешевые столовые, дома культуры) и неофициальные (неформальная торговля, использование личных связей для достижения целей («блат»), сопротивление официальному дискурсу) структуры и практики социалистического общества существуют на протяжении уже долгого времени в новых ландшафтах, где, казалось бы, им давно нет места, — это главная отличительная особенность новой среды¹¹.

Необходимо отметить, что «P.S.»-1 и «P.S.»-2 («постсоциалистическое» и «постсоросовское») должны рассматриваться вместе, чтобы лучше понять природу гетеротопии. Поскольку наследие социализма представляет собой все еще мало сегментированное городское пространство, это наследие создает приводящее в недоумение множество наслоений и явных противоречий совершенно различных способов использования пространства.

P.S. 3. P(OST)-S(CRIP)TUM

Третье «P.S.» — это традиционная аббревиатура для запоздалых мыслей, которые высказываются уже после прощания в конце письма. И это письмо адресовано Фрэнсису Фукуяме. Ведь когда Фукуяма провозгласил торжество либеральных демократий концом истории, именно крах социалистического эксперимента был тем важнейшим историческим событием, которое он имел в виду. Однако можно предположить, что он ожидал более мягкого пере-

¹¹ С результатами интересного исследования на эту тему, проведенного группой «Что делать?» в Иваново, можно ознакомиться на сайте проекта «Shrinking Cities»: <http://www.shrinkingcities.com>.

хода, чем тот, который ему доводится наблюдать, в особенности что касается парадоксальных по своей природе урбанистических форм в постсоциалистическом регионе — далеко не случайно биеннале, которая проходила в Будапеште в 2005 г., называлась: «Хаос: время путаницы». Наше третье «P.S.», таким образом, — это вопрос, является ли то, свидетелями чему нам приходится быть, просто досадными помехами — ухабами и рытвинами — на дороге, ведущей к счастливой либеральной демократии, или городские практики нашего ареала — это доказательство того, что на дорогах истории есть некие конечные пункты, о существовании которых мы раньше даже не подозревали. Сейчас, во времена экономического кризиса, который начался, когда чрезмерная уверенность в совершенстве методов финансирования покупки домов в США начала рушиться, и который сейчас распространяется по всему миру, суля самые непредсказуемые последствия, наше третье «P.S.» звучит еще громче. Пока неясно, какие конфигурации возникнут в результате, но те эффекты, которые мы можем наблюдать уже сейчас — например, частичная ренационализация банков правительством Великобритании, доказывают, что случиться может самое невероятное. Напряженность и нестабильность отношений между современной финансовой системой и пространством могут оказаться очень существенным «P.S.».

Нестабильность и неопределенность отношений между финансовой системой и пространством особенно заметна на западе P.S. региона. Так же как и в Великобритании, недавно был ренационализирован один из крупнейших банков в Латвии. Значение этого события, однако, может быть проинтерпретировано совсем не так, как интерпретируются подобные факты на Западе. Поскольку финансовая система новых членов Европейского союза не настолько развита и стабильна, как финансовые системы лидирующих западных стран, сторонники самого пессимистичного сценария уже прогнозируют не только банкротство многих банков и финансовых институтов в регионе, но и крах капиталистического производства во всех постсоциалистических странах. Самые радикальные левые партии цитируют

венесуэльского лидера Уго Чавеса, который заявил, что производимые американским правительством постоянные вливания в экономику сделали США страной социалистического типа. И если капитализм демонстрирует свою слабость в США — крепости капитализма, здесь, в постсоциалистическом регионе, он может легко утратить свой статус неизбежной исторической необходимости. В более скромных и менее драматичных прогнозах последствия финансового кризиса рассматриваются конкретно для урбанизации. Капиталистическая модель урбанизации основана на подчинении пространства и времени денежным отношениям. Текущий экономический кризис, таким образом, может привести к реструктуризации городского пространства и времени.

Поскольку капитализм несомненно создает пространственно-временные конфигурации урбанистических формаций, он сам, как замечет Дэвид Харви, в свою очередь сформирован пространственными формациями, которые встречаются на его пути: что из себя представляет та или иная пространственная конфигурация, свободна она или уже застроена, какие практики ее наполняют или опустошают, какие законы регулируют право на владение и управление ею, каковы возможные стратегии, чтобы сопротивляться этим законам или вовсе им не подчиняться¹². В P.S. мире конфигурации пространства и движения очень сложны, представляя собой смесь стабильности, эволюции и мгновенных изменений. Они формируют общую картину того, какие существуют препятствия и какие положительные моменты с точки зрения инвестиций и реконструкции: будут все эти особенности в конечном итоге «сглажены» в процессе развития капитализма или они останутся, формируя новые гибридные формы, делая этот P(ost)S(criptum) началом новой страницы? И то, и другое возможно: ведь именно по отношению к пространству (в его стремительном развитии или, наоборот, заброшенности) избытки капитализма проявляются наиболее наглядно и именно

¹² D. Harvey, "From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation in Urban Governance in Late Capitalism" *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*. Vol. 71, No. 1, 1989. с. 3–17.

вопросы планирования пространства открывают новые парадигмы административных практик, форумов для публичных дискуссий или движений социального протеста. Многочисленные точки пересечения локального и глобального (процесс, который Нил Бреннер называет «глокализацией» пространственного масштаба) и то, каким образом они функционируют в данном регионе, должны стать предметом безотлагательного анализа¹³.

Еще одним препятствием на пути к концу истории является то, что Станишкис называет «асимметрией рациональности». Поясняя этот термин, Станишкис указывает на тот факт, что решения, которые кажутся логичными и даже справедливыми в центре, в отличных экономических условиях периферии имеют свойство производить чрезвычайно неожиданные эффекты. В качестве примеров для сравнения здесь можно рассмотреть проведение летних Олимпийских игр в 2012 г. в Лондоне и чемпионата Европы по футболу в Польше и Украине (или той же зимней Олимпиады в Сочи в 2014 г.). В то время как, конечно же, существуют некоторые проблемы и недовольства связанные с тем, как проходит подготовка в Олимпийских играх в Лондоне, волнения по поводу чемпионата Европы по футболу в Польше и Украине совершенно другого рода — те отчаянные попытки, которые предпринимают эти страны, чтобы подготовиться к такому глобальному событию, порождают радикальную неуверенность в том, состоится ли оно вообще. В период, последовавший за решением дать право на проведение чемпионата 2012 г. Польше и Украине, были утверждены грандиозные планы реконструкции и развития инфраструктуры: в Варшаве эти планы включали строительство второй линии метро, обновление железнодорожных станций, строительство второго аэропорта и т.д., и т.п. На самом деле, читая польскую прессу, можно было прийти к выводу, что главная цель развития инфраструктуры — это не благо живу-

¹³ Niel Brenner, 'Glocalisation' as a State Spatial Strategy: Urban Entrepreneurialism and the New Politics of Uneven Development in Western Europe' in *Remaking the Global Economy: Economic-Geographical Perspectives*, Jamie Peck and Henry Yeung (eds.), (London: Sage, 2003), с. 197–215.

щих в стране людей, а подготовка к трехнедельному медиа-событию. Воплощение всех вышеупомянутых проектов по благоустройству Варшавы в настоящий момент отложено на неопределенный срок, а панические настроения по поводу того, что чемпионат и вовсе не состоится, распространяемые СМИ, были подогреты сообщением о том, что Украина тоже временно прекращает приготовления к нему в связи с экономическим кризисом. Такого рода проблемы типичны как пример тех эффектов, которые, на первый взгляд универсальные логичные и продуманные в экономическом центре, могут стать искаженными на периферии. Очень важно при этом рассматривать данные события не как результат «некомпетентности на местах» (хотя отслеживание фактов коррупции, нелогичных решений и действий и т.п., которые могут в подобных случаях иметь место, — очень важная задача для исследователя), а скорее как реакцию на структурную перверсию, которая встроена в интернациональный ландшафт, сформированный неравномерным развитием. И если это утверждение верно для городов, то оно вдвойне верно, как пишет в своей статье в этом сборнике Юнис Блаваскунас, для деревень и их жителей, озабоченных тем, чтобы найти свое место в новой экономике, задающей пространственные координаты.

В таком контексте можно допустить, что P.S. история содержит потенциал для того, чтобы стать историей как таковой. Что данное «P.S.» должно сделать как минимум — это не заставлять постоянно оглядываться назад, а указывать вперед, в сторону радикальной неопределенности в будущем, являющейся причиной того состояния ненадежности, шаткости, непрочности, которое является одной из основных характеристик постсоциалистического пространства. В этом свете закономерным вопросом (хотя в нашем регионе, по крайней мере в западной его части, его не очень принято задавать) будет следующий: на самом ли деле постсоциалистический мир так уж отличается от остального развивающегося мира? Я подозреваю, что урбанисты, изучающие P.S. пространства, могут научиться столь же многому у урбанистов, работающих в Африке и Южной Америке, как и у урбанистов, изучающих города

Западной Европы, однако, учитывая специфику научного финансирования, главным партнером по академическому обмену по-прежнему будет Запад.

Дополнительным обстоятельством в этой новой ситуации, возникающим именно из конца истории, является то, что крупные города Запада наполняются иммигрантами разных национальностей, в том числе и из Восточной Европы, так быстро, как никогда ранее. Эти иммигрантские сообщества имеют свои сети поиска работы и стратегии выживания и адаптации, которые несомненно оказывают огромное влияние на общество западных стран. Вероятно, это дает нам право предположить, что в каком-то смысле Дублин и Лондон тоже становятся P.S. городами или, по крайней мере, городами, где P.S. оказывает большое влияние на социальные практики. Польская, латвийская и литовская комьюнити и, вне всяких сомнений, многие другие иммигрантские группы – африканские, азиатские или карибские, которые сейчас становятся частью населения Великобритании, приносят с собой свои собственные истории и легенды. Довольно забавный пример в этом контексте – это вопрос о создании Национального дома Литвы. Старая, почти романтическая идея начала XX в. вдруг возродилась столетие спустя, а именно в начале века XXI в. В ходе развернувшейся дискуссии некоторые литовские комьюнити высказывались за то, чтобы построить Национальный дом не в столице Литвы Вильнюсе, а... в Дублине. В этом случае история этой P.S. страны может начаться заново в другом месте, трансформируя его в новый P.S. ландшафт.

P.S. 4. P(FERD)-S(TÄRKE)

Последнее P.S., самое необычное, появилось благодаря нашему другу и коллеге Вольфгангу Байленхоффу, который подсказал, что «P.S.» – это аббревиатура, используемая в немецком языке в значении «лошадиная сила». Традиционный сценарий урбанистических исследований в регионе рисует переход от трагизма коммунизма к унылости будущего, когда все общественные места и коммунальные предприятия скупают западные компании, а на-

стоящий момент — это только хаотичное «мгновение ока» между ними. Вероятно, наилучшим образом это подытожил Иван Селеньи в своем пессимистичном заключении:

«Грядущие годы, как, впрочем, и десятилетия, оставшиеся у нас за спиной, могут не быть радостными для тех, кто живет в городах Восточной Европы, но они, несомненно, будут очень информативными для исследователей урбанистических процессов»¹⁴.

Вместе с Селеньи мы соглашаемся с ощущением, что симультанное сосуществование на одной территории микронарративов модернизации и архаизма — значительное явление, которое требует к себе внимания. Любые попытки антропологов этого региона непосредственно рассмотреть это ошеломляющее сочетание приводят к выводам о том (как пишут Екатерина Лавринец и Оксана Запорожец в своей статье, включенной в настоящее издание), что переживание потерянности в теоретическом и эмпирическом смыслах, которое очень характерно для P.S. ландшафта, может стать позитивным теоретическим инструментом.

Но хотя я (Б.К.) не хочу недооценивать те проблемы, с которыми сталкиваются городские пространства в нашем регионе, и наша коллекция включает множество нарративов, критически описывающих происходящие здесь процессы, я не согласен с Селеньи, что поводов для радости немного, или, скорее, я протестую против логики, которая позволяет ему так легко делать подобное заключение. Статистические таблицы, ранжирующие крупные города в порядке их благоустроенности, безопасности и т.п. на сайтах в Интернете — это тотальное искажение, в мире нет ни одного города, который функционировал бы должным образом¹⁵. Па-

¹⁴ Ivan Szelenyi, там же, с. 316.

¹⁵ Абдумалик Симоне начинает свою книгу *For the City Yet to Come: Changing African Life in Four Cities* (Durham, NC: Duke University Press, 2006) с общепринятой предпосылки, которую можно легко применить и к P.S. городам: «африканские города не работают». Его книга — это вдохновляющее исследование, в котором тщательно разбираются нарушения функций городских фор-

риж тоже не очень-то веселое и комфортное место для огромного количества живущих в нем людей, однако потребовалось бы гораздо больше усилий и аргументов, чтобы доказать это в академическом тексте. Мы должны изучить логику, согласно которой происходят нарушения функционирования городов в нашем регионе. Мы должны исследовать эти пространства как для лучшего понимания городов и деревень и тех, кто в них живет (а многие из них сами уже очень хорошо понимают, что происходит — нам нужно навестывать), так и для возможности внедриться в эти пространства; их также необходимо исследовать для лучшего понимания самого понимания. Построение различных конфигураций взаимодействий в пространстве (между законами, экономикой, социологией, архитектурой, планированием, рынками, искусством, поэтами, танцорами, комедиантами, преступниками, полицейскими и пьяницами) — это способ преодоления унылого парадокса семиотической революции психоанализа: мы знаем только то, что мы не можем знать, что это значит. То, что важно, — это встречи разнородных элементов, порождающие взаимодействия. Это то, как сегодня функционируют мировые рынки и как нарушается их функционирование (ведь именно то, что они работают таким образом, послужило причиной конца предшествовавшей P.S. эры объема выпуска и производственных планов, пятилетних и других), это вызов и обещание урбанистических P.S. исследований: какого рода инструменты мышления и интеллектуальной практики необходимы нам, чтобы мы могли анализировать это пространство, и может ли этот анализ произвести своего рода революцию в мышлении?

Наше последнее «P.S.», *Pferd-Stärke*, — это не воспоминание о лошадях и не констатация их реального присутствия в некоторых городах и деревнях региона; это и не констатация присутствия других животных (таких как овца, которую Сергей Румян-

маций и практик в приложении к беднейшим слоям населения четырех африканских городов и которое использует именно эти элементы как основу для создания современной африканской урбанистической теории не по готовым заимствованным моделям, а «изнутри».

цев описывает, бродя по Баку), хотя и то и другое очень интересно. С помощью этого «P.S.» мы хотим обозначить становление урбанистического без привязки к месту или модели, процесс изменения и эволюции во множестве мест, который не знает, куда он движется. Это позволило бы оправдать некоторые очевидные слабости социалистической урбанизации и подумать о них как о плюсах, подсказывающих альтернативные решения для пространственных переконфигураций. Можно смело утверждать, что исследования в области создания пространства в нашем регионе, размышления о пространстве как о конечном продукте изменений, происходящих на этой территории, — это трудоемкие упражнения, которые тем не менее необходимо делать¹⁶. Таким образом, Pferd-Stärke региона — это сила «слабейшего». В-первых, это сила недостаточно городского, недостаточно сельского, недостаточно структурированного, недостаточно развитого, недостаточно идентичного и связного и недостаточно разного. Во-вторых, это сила четко не определенных методологий исследования, отсутствия центральных и привилегированных точек интерпретаций, разнообразия различных, зачастую несовместимых подходов.

Эта книга отражает наше желание положить начало рефлексии подобного рода. Она стремится в некотором смысле отдать должное разнообразию пространств нашего региона и изменениям, которым они подвергаются (именно поэтому наш заголовок гласит, что мы исследуем P.S. ландшафты — во множественном числе), однако мы не можем надеяться, что этот сборник даст читателям некое целостное и законченное представление о происходящих процессах. В то время как для некоторых городских пространств заветная цель — стать культурной столицей Европы, для других более насущной проблемой является этническая война, после которой нужно восстановиться, или кропотливая работа над тем, чтобы ее избежать. В то время как в одних городах мы наблюдаем буйство природы, что позволяет прогнози-

¹⁶ Большую пользу может принести рассмотрение книги Анри Лефевра «Производство пространства» (*The Production of Space* (Oxford: Blackwell Publishers, 1991)) в контексте P.S. пространств.

ровать для них будущее городской деревни, в других реликты тяжелой промышленности или стремительное современное освоение земель заставляют говорить о гиперурбанизации. В то время как некоторым сельским территориям фонды реконструкции ЕС предлагают финансирование на условиях перехода к экологии или туризму, фермам или деревням приходится бороться, чтобы приспособиться к капитализму, который не обеспечивает им место на рынке сбыта, и конструировать собственную альтернативную социальную логику. Фактически ландшафты в настоящее время представляют собой не только физическое пространство и статичные архитектурные формы, они включают разнообразные «вкрапления» визуальных медиа, как пишет Екатерина Викулина в своей статье о социальной рекламе в Риге. Все эти изменения, безусловно, нельзя отразить в одной книге. То, что мы предлагаем, это просто несколько звуков из шума бушующих вод P.S ландшафтов, некая оптика, подходящая для изучения этих богатых и до сих пор недостаточно описанных территорий.

Наша книга структурирована и тематически, и географически. С точки зрения географии она включает тексты из различных городов Восточной Европы (расположенных по обеим сторонам новой, Шенгенской стены), прибалтийских государств, Кавказа, России и Средней Азии. Таким образом, она дает возможность узнать о важных проблемах, с которыми сталкиваются города в этих регионах. На теоретическом уровне сборник предлагает диапазон теоретических подходов для обсуждения актуальных для всего этого региона вопросов. Мы надеемся, что более эмпирические тексты будут восприняты не просто как описание лежащего в их основе исследования конкретного случая, а позволят читателям сделать какие-то обобщения и что читатели смогут связать более теоретические тексты, опубликованные в сборнике, с конкретными, близкими им примерами. Цель состоит не в том, чтобы представить исчерпывающий обзор географии или истории этого региона, а в том, чтобы посредством различных подходов дать читателям представление о масштабе и потенциале этой молодой сферы исследований, фокусирующейся на пространстве.

Первый раздел — «P.S. города: нарушение порядка времени и пространства» — содержит тексты, исследующие разрушение пространственных и временных осей, которое представляется характерным для P.S. городов. Это, без сомнения, черта развивающихся ландшафтов всех городов, однако в P.S. пространствах она проявляется в специфических формах и «бьет по нам» с особой силой. Сборник открывается текстом Нериуса Милерюса, в котором он исследует идею единства пространства в советскую и социалистическую эпоху и последующего разрушения этого единства. Габриэла Швитек исследует жилой район Варшавы, называемый «За железными воротами»: послевоенный модернистский микрорайон, построенный на территории бывшего Варшавского гетто, который сейчас представляет собой живое свидетельство архитектурного стиля, ушедшего в прошлое. Швитек раскрывает слои истории этого конкретного пространства, чтобы понять разницу между тем, как памятники соотносятся с историей, и тем, как они соотносятся с жизнью в пространстве, где травмы прошлого вплетены в саму ткань этого пространства и, таким образом, становятся частью повседневного опыта. Оксану Запорожец и Екатерину Лавринец между тем интересуют способы, которыми порядок и атмосфера страха внедряются в меняющиеся пространства, особенно те, которые находятся в переходном состоянии. Каковы политические следствия контроля над объектами и людьми применительно к разным пространствам и временам: разве не верно, что город может достичь состояния открытости, только будучи «закрытым», — условие, соблюсти которое в настоящее время становится все труднее из-за страха, окружающего потерянные предметы. Последний текст в этом разделе, автор которого Ольга Блекледж, посвящен украинскому фильму «Путеводитель», где делается попытка найти адекватный кинематографический язык, чтобы передать специфику пространства современного Киева. Путеводитель, который получился в итоге, не поможет вам найти дорогу в городе или посетить достопримечательности: то, что мы видим на экране, — это пестрое полотно, сотканное из мест, которые в разное время служили

для совершенно разных целей, внезапных монтажей и повторов, покупок квартир и ночной жизни, что создает яркое впечатление о городе как о многоуровневом, дезориентирующем и энергетическом пространстве.

Второй раздел книги называется «P.S. города: экономика и/или политика?», поскольку отношения между двумя этими силами, вызывающими изменения городского ландшафта, в P.S. пространствах довольно специфичны. В целом изменение облика городов — это непрерывный процесс взаимодействия, конфликтов и договоров между политическими и экономическими интересами различных действующих сил. Тем не менее в P.S. пространствах иногда может показаться, что речь идет, скорее, не о взаимодействии, а о выборе: будут определять облик города политические силы или экономические. Этот раздел открывает статья Сергея Любимова о развитии «ночной» экономики в бывшем рабочем районе Варшавы. Он разбирает доминирующий дискурс о роли культуры в возрождении этого района, чтобы поставить вопрос о том, каким образом экономические и культурные интересы могут сочетаться, создавая новые социальные и политические границы. Анна Желнина, в свою очередь, анализирует эволюцию рынка на Сенной площади в Санкт-Петербурге, особенно в течение 1990-х. Этот анализ демонстрирует, каким образом экономическое пространство этого неформального рынка отражало политические изменения, происходившие в России. Закрывает раздел исследование Кульшат Медеуовой, посвященное строительству новой столицы Казахстана Астаны. Этот спланированный город демонстрирует, что политическая воля способна создать городское пространство из ничего: может ли такой проект быть успешным и какого рода городское пространство получится в результате?

Если социалистический урбанизм предстает недостаточно урбанистическим по сравнению с урбанизмом капиталистическим, то одним из ожидаемых признаков изменений системы может быть то, что P.S. города станут более урбанистическими. Третий раздел нашей книги, названный «P.S. города: урбанизация под вопросом?», состоит из серии иссле-

дований конкретных случаев, которые показывают, что переход от социалистической к постсоциалистической урбанизации фактически порождает радикальные сомнения относительно характера происходящей урбанизации. Артем Космарский предлагает описание Ташкента, сочетающее пространственный анализ с исследованием изменяющихся социальных формаций в этом постсоциалистическом (?), постколониальном (?) городе. Таким образом, он ставит очень глубокие вопросы о типах пространственных и социальных формаций, существующих в настоящее время в столице Узбекистана, и о способах взаимовлияния пространственных конфигураций и социального расслоения. Сергей Румянцев также применяет историческую перспективу, воссоздавая эволюцию Баку, чтобы прояснить для нас, какие разные силы конкурируют в пространстве этого города. В его повествовании речь идет о глубоком разрыве, созданном современными конфликтами в ткани города. И те драматические события, которые он описывает, могут стать точкой отсчета для изучения других пространств нашего региона. Елена Зимовина, в свою очередь, прослеживает эволюцию городских пространств в Казахстане в демографической перспективе. Что может демографический анализ сказать нам об изменяющейся пространственной структуре Казахстана и P.S. региона в целом?

Четвертый раздел книги, «P.S. города: под воздействием визуальных медиа», наиболее тесно связан с проектом H.E.S.P «Visual and Cultural Studies Reconsidered» («Визуальные и культурные исследования: переосмысление»), благодаря которому возникла идея этой книги, и посвящен одному из самых важных компонентов в развитии P.S. городских пространств — роли визуальных медиа. Важным фактором при изучении трансформации социалистических городов в P.S. города является то, что изменения городских пространств сопровождаются стремительным развитием технологий визуальных медиа. Какое влияние это оказывает? Раздел открывается статьей Ольги Бойцовой о повседневных практиках любительской и туристской фотографии в Санкт-Петербурге. Таким образом, автор стремится выявить различия в типах тех отношений между фото-

графом и городом, которые порождают социалистические и P.S. памятники. Екатерина Викулина рассматривает роль визуальных форм социальной рекламы в Риге в создании повседневного облика города. Драматические примеры, на которых основано ее исследование, позволяют предположить, что за явным содержанием социальной рекламы стоят невысказанные политические послы. Александр Сарна также пытается раскрыть политическую подоплеку использования образов: его исследование посвящено гламурным образам, используемым в создании портрета Минска. Какую политическую роль играет подобная стилистическая репрезентация города? Елена Трубина также размышляет о Минске, однако ее работа — это многоуровневая рефлексия о природе публичного пространства и способов, которыми оно представляется или изображается посредством визуальных элементов. Какие стратегии или практики могут сделать город открытым демократическим форумом, где на вопрос «чей это город?» сможет ответить множество голосов?

Заключительный раздел книги, «за пределами P.S. города», поднимает тему исходно постулируемого недостаточного развития P.S. пространств, чтобы поставить вопрос о том, какие перспективы для изучения изменений P.S. ландшафтов открываются, если попытаться посмотреть на город со стороны, извне. В первом тексте этого раздела Луция Галчанова и Барбора Вацкова обращают пристальный взгляд на границы города Брно, исследуя взаимоотношения между обитателями новых окраин Брно и сельскими жителями, по-прежнему живущими в тех местах, которые еще не так давно были деревнями. Авторы изучают субурбанизацию в чешском контексте и ставят вопрос о том, в какой мере эти новые городские пространства содержат следы своего сельского прошлого и какие проблемы возникают при смешении старого и нового населения. Юнис Блаваскунас пишет о пространстве на северо-востоке Польши, близ границ Беловежской пуши, территории, которая недавно получила важный экологический статус. Особый интерес автора вызывают вопросы, связанные с приданием той или иной территории экологического статуса в со-

временной конфигурации капитализма, а также рассмотрение того, какие возможности открываются в результате для местных жителей и как они пытаются использовать эти возможности. Антония Янг между тем рассматривает общинные традиции, сохранившиеся в изолированных горных деревнях на севере Албании. Здесь, по разным причинам, женщина иногда выбирает социальную роль мужчины, плата за это — обет целомудрия. Таким образом, это пространство изолированной патриархальной деревни оказывается удивительным местом для изучения того, каким образом гендерные роли замещают биологические. Текст Бенджамина Коупа представляет собой более общее теоретическое исследование, доказывающее необходимость принять P.S. деревню за точку отсчета для рассмотрения социальных изменений. По его мнению, P.S. деревня — это не некое изолированное от города отклонение, а привилегированный пункт наблюдения за трансформациями, которые оказывают влияние и на городские пространства.

Еще одним P.S. этой книги является компакт-диск, который содержит визуальные материалы, дополняющие письменные тексты. В первом разделе можно найти иллюстрации к нескольким статьям, вошедшим в этот сборник. Второй раздел представляет собой автономные коллекции визуального материала, обозначенные нами как «визуальные нарративы», которые формируют серии концептуальных визуальных тропов для исследования P.S. пространств. Эти визуальные нарративы, как и другие представленные в этом сборнике тексты, предлагают серии различных оптик, которые можно использовать, чтобы рассматривать вопросы, связанные с урбанистическими и руральными исследованиями в данном регионе. Мы надеемся, что эти материалы внесут свой вклад в раскрытие этой важной темы и послужат стимулом для дальнейших исследований и социальной активности. В заключение мы хотели бы поблагодарить всех тех, кто оказал содействие в подготовке этой книги: Н.Е.С.Р. за финансирование проекта, в ходе которого родилась идея; Альмиру Усманову, поддержавшую эту идею; Елену Хлопцеву за контроль над сложными административными про-

цедурами; Аллу Пигальскую за работу над дизайном обложки; Людмилу Малевич за понимание и работу издательства ЕГУ; переводчиков статей; всех тех, без чьей бескорыстной помощи международный проект, подобный этому, не мог бы состояться.